

Пономарева Дарья Васильевна

ДОН КИХОТ КАК ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ МОЦАРТИАНСКОГО ТИПА В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА "ДОН КИХОТ"

В статье анализируется образ Дон Кихота как творческой личности моцартианского типа в малоизвестной третьей редакции пьесы М. Булгакова "Дон Кихот". Образ поэта-рыцаря Дон Кихота гармонично синтезирует комическое и трагическое, театральную стихийность художника-фантазера и безупречную логику, самоиронию и ощущение внутренней свободы творца. Освоение пушкинской традиции осуществляется Булгаковым в форме пародийной трагикомической стилизации травестийного характера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/5/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (72). С. 142-144. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Дерево значит в жизни селькупов очень много, т.к. оно дает им топливо, обеспечивает орехами и ягодами, лекарствами, подпитывает их энергией; поэтому некоторые информанты суммировали значение дерева в своей жизни реакцией «дерево – это жизнь».

В каждой культуре имеются породы деревьев, которые являются наиболее значимыми для представителей данного этноса, а также породы деревьев, пользующиеся дурной репутацией у этноса. Однако причины культурной ценности того или иного дерева существенно различаются. Для селькупов наиболее значимы береза и кедр как символы жизни и смерти, принадлежащие разным мирам: береза – миру богов, кедр – миру мертвых.

Список сокращений

Ласк. – Ласкино, Нап. – Напас, СтС. – Старо-Сондрово, УО. – Усть-Озерное, Чиж. – Чижапка.

Список литературы

1. **Голубева Е. В.** Фольклорная картина мира в калмыцких сказках // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (67): в 2-х ч. Ч. I. С. 37-39.
2. **Жакова Т. Е.** Мифологемы неба и земли (верха и низа) в германских языках (на индоевропейском фоне): дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 189 с.
3. **Пелих Г. И.** Селькупская мифология. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1998. 80 с.
4. **Прокофьева Е. Д.** Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106-128.
5. **Сказки нарымских селькупов** / отв. ред. В. В. Быконя. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1996. 187 с.
6. **Тучкова Н. А.** Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX-XX вв.): дисс. ... к.и.н. Томск, 1999. 197 с.
7. **Цивьян Т. В.** Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 203 с.

УДК 800.899.82:09

Филологические науки

В статье анализируется образ Дон Кихота как творческой личности моцартианского типа в малоизвестной третьей редакции пьесы М. Булгакова «Дон Кихот». Образ поэта-рыцаря Дон Кихота гармонично синтезирует комическое и трагическое, театральную стихийность художника-фантазера и безупречную логику, самоиронию и ощущение внутренней свободы творца. Освоение пушкинской традиции осуществляется Булгаковым в форме пародийной трагикомической стилизации травестийного характера.

Ключевые слова и фразы: Булгаков; Пушкин; Дон Кихот; моцартианский тип; творческая личность; героик; романтик.

Пономарева Дарья Васильевна

Южный федеральный университет
ponomarewa.dar@yandex.ru

ДОН КИХОТ КАК ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ МОЦАРТИАНСКОГО ТИПА В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «ДОН КИХОТ»[©]

Цель нашей работы заключается в рассмотрении образа Дон Кихота в малоизвестной третьей редакции пьесы М. Булгакова «Дон Кихот» как творческой личности моцартианского типа, традиция которого была заложена в «Моцарте и Сальери» А. Пушкина.

В амбивалентном образе булгаковского героического романтика Дон Кихота [2, с. 146-148], как нам думается, пародийно преломляется бинарность «богоизбранного» пушкинского Моцарта, синтезирующего в своем творчестве «сиюминутное и вечное, индивидуальное и общечеловеческое, мирское и возвышенное» [5, с. 18], комическое и трагическое. Моцарт, снижая романтический пафос восклицания Сальери «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь», отвечает: «Ба! право? Может быть... // Но божество мое проголодалось» [3, т. 5, с. 310]. Так и булгаковский Дон Кихот на почтительно-насмешливое предположение Санчо «Впрочем, вы не станете есть моей простой пищи» наставительно замечает: «У тебя неверное представление о рыцарях, мой друг» [1, с. 235]. При этом комичное по форме обсуждение гастрономических предпочтений странствующих рыцарей травестийно оборачивается возвышенно-вдохновенным рассказом Дон Кихота о «золотом веке», в котором «не было золота, которое породило ложь, обман, злобу и корыстолюбие» [Там же]. Необходимо отметить, что звучание комического и драматического доведено драматургом до максимума. В отличие от романа Сервантеса, в котором уже после трапезы с козопасами на мысль о «золотом веке» Дон Кихота наводит пригоршня желудей, герой Булгакова пускается в рассуждения о «сверкающем веке» сразу же после пространныго

пояснения о привычках романских рыцарей, которые во время странствований «питались чем попало, а большей частью, увя, цветами и мечтами» [Там же]. Длинная речь сервантесовского идадьго, которую «он с таким же успехом мог бы и не произносить вовсе», т.к. козопасы «слушали его молча, с вытянутыми лицами, выразившими совершенное недоумение» [4, т. 1, с. 97], заменена Булгаковым на горячий драматический монолог художника об утраченном идеале. И если сервантесовский Санчо в этот момент «также помалкивал; он поедал желуди и то и дело навещал второй бурдюк, который пастухи, чтобы вино не нагревалось, подвесили к дубу» [Там же], то булгаковский оруженосец, внимательно слушающий рыцаря, проникается словами Дон Кихота: «Вы ученый человек, сеньор, и знаете множество интересного» [1, с. 236].

Как и пушкинский Моцарт, герой Булгакова «состоит из “вдруг”, из внезапных переключений, стремительных поворотов, состояний и событий, из неожиданностей» [5, с. 18]: «Ага! Увидел ты! А мне хотелось // Тебя нежданной шуткой угостить» (Моцарт) [3, т. 5, с. 308]. – «А! Ты опять появился, неугомонный чародей!»; «Что же нам делать? Ах, я безутешен... Ах, Санчо, гляди! <...> О радость! Грусливый Фристон, убегающая, забыл свой шлем!» (Дон Кихот) [1, с. 222, 224]. В этом выражается яркая театральность моцартианского типа мышления, свойственного творчески многоликтому художнику-актеру Дон Кихоту Ламанчскому. Кроме того, объединяет героев Пушкина и Булгакова гармоничность соединения «безудержной фантазии и безупречной логики, бьющего ключом потока художественных идей и поразительной дисциплины мышления», которая отражается, с одной стороны, в самоиронии, а с другой – в постоянном ощущении внутренней свободы, «человеческой и творческой в их нерасторжимом единстве» [5, с. 19-20]. Восхищаясь новым произведением Моцарта, Сальери, уже решившийся на убийство, восклицает: «Какая глубина! // Какая смелость, и какая стройность!» [3, т. 5, с. 310]. В пьесе же Герцогиня, сентиментально жалея гостя, признает, что Дон Кихот «рассуждает здраво, мысли его светлы» [1, с. 292], когда его оставляют рыцарские видения. Ярким примером синтеза смелости и стройности мыслей рыцаря служит речь-исповедь (пародийная исповедь, обращенная к чужому Духовнику) о «крутой дороге рыцарства», выстроенная в форме риторического диалога Дон Кихота с «другим» собой согласно строгой формуле «вопрос – ответ». Логичность построений и героико-драматический пафос говорящего гармонично сливаются в единое целое с абсолютно фантастическими выдумками живущего театральностью игрой художника: «За кого я мстил, вступая в бой с гигантами, которые вас так раздражили? Я заступался за слабых, обиженных сильными» [Там же, с. 280]. Пародийное удвоение в данном эпизоде подчеркивается тем, что Дон Кихот – художник через «возвышающий обман» травестирования образа культурного героя (книжного рыцаря) утверждает свое моцартианское «я», формулируя вопросы с точки зрения представителя «земли слепой» («Герой» 1830 года) [3, т. 3, с. 188].

Стихийная театральность Дон Кихота как творческой личности амбивалентна, она – исток и результат неразрывного моцартианского единства стройности и смелости. В момент романтического кризиса побежденный Дон Кихот, лишенный смелости фантазии, по сути, поклявшийся не мечтать, остается в пустоте безупречно логичного и стройного настоящего, т.е. теряет в мире «других» свободу как художник и личность. Преодолением сомнений становится возвращение творческой и личностной смелости – беспокойное, но бесстрашное ожидание смерти. Страшнее остаться в духовной пустоте настоящего, т.е. живя (физическое существование), не мечтать, «подвигам более не совершать» [1, с. 296]. Исцелившийся от безумия идадьго Сервантеса резко заявил: «Полно, сеньоры <...> Я был сумасшедшим, а теперь я здоров, я был Дон Кихотом Ламанчским, а ныне, повторяю, я – Алонсо Кихано Добрый» [4, т. 2, с. 600]. Булгаковский же герой, вспоминая о своем прежнем имени от «других», не возвращает его себе, а, прямо не отрицая, все равно отстраняется от него, воспринимая как чужое: «Ведь **вы** же прекрасно понимаете, что я не Дон Кихот Ламанчский, а **тот самый** Алонсо Кихано, которого прозвали Добрым...» (*курсив наш* – Д. П.) [1, с. 303]. «Тот самый» – это кто-то другой, оставшийся далеко позади, возврата к которому быть не может. В романе покаявшийся в своих безумствах Дон Кихот категоричен, он намеревается лишиться свою племянницу наследства, если она пожелает выйти замуж за того, кто читал рыцарские романы [4, т. 2, с. 600-601]. А Дон Кихот Булгакова наставляет Антонию: «Ты выйди замуж за того, кто не увлекался рыцарскими книгами, но у кого рыцарская душа...» [1, с. 303]. По мнению Дон Кихота, ценна именно «рыцарская душа», не имеющая отношения к атрибутике рыцарских романов, т.е. истинная рыцарственность как нравственная составляющая, благородство и самопожертвование Рыцаря Печального Образа. Именно от этого прозвища, посланного Санчо «внезапно налетевшей мудростью» [Там же, с. 226] в тот момент, когда Дон Кихот рассказывал ему о своем идеале, булгаковский герой не отрекается. В романе же идадьго отказался от него: «Буде же его величество спросит, кто этот подвиг совершил, скажите – что *Рыцарь Львов*, ибо я хочу, чтобы прежнее мое прозвание, *Рыцарь Печального Образа*, изменили, переменили, заменили и сменили на это...» [4, т. 2, с. 141]. Герой Булгакова до конца жизни остается художником-актером – Рыцарем Печального Образа. Реплики, адресованные Санчо в финале пьесы, вырастая до монолога о Солнце и свободе, становятся моцартианской театрализацией собственной смерти.

Итак, образ булгаковского Дон Кихота как творческой личности моцартианского типа гармонично синтезирует комическое и трагическое, театральную стихийность художника-фантазера и безупречную логику, самоиронию и ощущение внутренней свободы творца. Освоение классической традиции осуществляется Булгаковым в форме пародийной трагикомической стилизации трагестийного характера.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 7. Блаженство. 864 с.

2. Пономарева Д. В. Дон Кихот как героический романтик в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1. С. 146-148.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977-1979.
4. Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: в 2-х т. / пер. Н. М. Любимова. М.: АСТ, 2007. Т. 1. 618 с.; Т. 2. 633 с.
5. Цукер А. «Ты, Моцарт, недостойн сам себя...». Маленькая трагедия Пушкина как миф и как художественное исследование // Южно-российский музыкальный альманах. 2006. № 1. С. 14-22.

УДК 519.8

Физико-математические науки

В статье рассмотрен предложенный автором подход к принятию решений при неполной, разнородной информации на основе нечеткой арифметики. Показаны преимущества такого подхода, позволяющего проводить обобщенный анализ вариантов решений вне зависимости от числового контекста и конкретной природы систем, значительно уменьшить трудоемкость вычислений за счет сжатия информации, сгладить несогласованность исходных данных, что повышает надежность принятия решений.

Ключевые слова и фразы: нечеткая арифметика; нечеткое множество; принятие решений по многим критериям.

Романов Вадим Николаевич, д.т.н., профессор

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
vromanuri@mail.ru

НЕЧЕТКИЕ МОДЕЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ[©]

Во многих задачах принятия решений (например, при проектировании, управлении, оценивании и т.п.) приходится иметь дело с большим объемом разнородной информации, как количественной, так и качественной. При этом возникает необходимость ее эффективного сжатия без потери смыслового содержания. Очевидно, что использование в этом случае точных количественных оценок зачастую невозможно, да и лишено смысла, так как только затрудняет понимание проблемы. Одним из подходов к преодолению отмеченной трудности является представление данных в виде нечетких множеств. В большинстве случаев для агрегирования нечеткой информации используются идемпотентные операции *min* и *max*. Однако во многих прикладных задачах требуется выполнение арифметических операций суммирования и умножения на нечетких множествах. Их выполнение основано на принципе обобщения Заде, предполагающем трудоемкие вычисления, причем результаты получаются мало наглядными и их трудно интерпретировать [1, с. 44]. Автором статьи был предложен подход на основе нечеткой арифметики, позволяющий устранить отмеченные трудности [2, с. 112]. Рассмотрим выполнение арифметических операций (сложение и умножение) на множестве нечетких градаций. Пусть задана предметная область, для описания которой используются нечеткие градации в диапазоне ОН...ОВ, включающие следующие основные градации: очень низкое значение (ОН), низкое (Н), среднее (С), высокое (В), очень высокое значение (ОВ). Считаются известными также вспомогательные градации, промежуточные между основными, а именно: ОН-Н (между очень низким и низким), Н-С (между низким и средним) и т.д. Кроме того, определены две предельные градации, находящиеся за границами основной шкалы: очень-очень высокое значение (ООВ) и очень-очень низкое (ООН). В зависимости от контекста предельная градация ООН может соответствовать нулю, нижнему пределу, точной нижней границе, а градация ООВ соответствует единице, бесконечности, точной верхней границе или верхнему пределу. В Табл. 1 приведены результаты для умножения, а в Табл. 2 – для сложения нечетких градаций, определенных в основном диапазоне. Расчеты базируются на положениях, изложенных автором в предыдущей статье [3, с. 165]. Значение ООН в Табл. 1 означает, что результат меньше ОН и выходит за левую границу диапазона. Значение ООВ в Табл. 2 означает, что результат больше ОВ и выходит за правую границу диапазона. Следует отметить, что при расчетах нет смысла вводить мелкие доли градаций и следует использовать округление в сторону более крупных градаций. При числе сомножителей (слагаемых) больше двух результат также определяется с использованием таблиц. Процесс быстро сходится при увеличении числа компонентов (сомножителей или слагаемых), в том смысле, что уже для трех-четырех компонентов достигаются крайние границы диапазона. Из таблиц можно определить результаты и для обратных операций (вычитание и деление). Разумеется, что при необходимости нечеткие градации можно интерпретировать в виде именованных величин, соответствующих рассматриваемой предметной области.

В определенном смысле можно говорить о нечеткой арифметике, так как все операции выполняются непосредственно на нечетких градациях. В обычной арифметике справедлива аксиома порождения чисел: $n(+)1 = n+1$, где $n = 1, 2, \dots$. В нечеткой арифметике ее следует заменить аксиомой порождения количеств, так как мы имеем дело с множествами: $u(+) \text{ОН} = u + \text{ОН}$, где $u = \text{ОН}, \text{ОН-Н}, \text{Н}, \text{Н-С}, \text{С}$ и т.д. Представляют